

ИНТЕРВЬЮ

Художник Михаил ЛЕНН: Я мечтал бы сравнить все на свете...

довольствуюсь тем, что я знаю, что я делаю — для меня самое главное. Я мечтал окартинить книги, мне было интересно продать текст, еще одно изобретение. Теперь я могу позволить себе выбирать заказы, которые мне нравятся.

— Музыка осталась с тобой?

— Играть очень люблю. Особенно классический джаз. Испробовал на тему — это вообще мой стиль. Если просто набросать на холст краски, вряд ли получится что-то интересное. Но если где-то посередине провести ровную вертикальную линию и уже потом произвольно раскрасить — возникает совершенно другое ощущение. Возникает комбинация «идеи» и цветовых пятен. Когда есть идея — все остальное просто. Если она сразу не появляется, я все равно начинаю что-нибудь рисовать, освобождая эмоции — доведу себя до такого состояния, что идея приходит сама.

— Сколько книг ты уже оформил?

— Я сделал 25 иллюстраций к новеллам Стейнбека, потом вышла книжка для Испании с портретами 25 знаменитых людей, теперь у меня очень интересный заказ на 200 картинок о моде — рекомендации женщины, какие цвета в каком сочетании они должны носить. Эта книга будет продаваться в Европе большим тиражом. Кроме того, оформляю книгу об одной героини немецкой женщины, которая спасала в Германии евреев во время войны.

— Насколько тебе устроена как художника американская среда? В России у тебя было больше возможностей общаться, да и взгляд в Петербурге есть на чем остановиться...

— Мне повезло, что я родился и выучился ремеслу в красивейшем городе, но мне было бы так трудно продаваться дальше. Здесь пришлось начинать восхождение с самого низу, но и подняться тут можно значительно выше. В конце концов, почти все художники, которые здесь добились известности, — эмигранты. Пропробовать свои силы в Америке — для меня это был вызов судьбы. И хотя в среднем уровень искусства, художественного развития здесь ниже, чем в России, в Америке значительно больше профессионалов. Правда до них тяжело добраться.

— Цивилизация в Америке, похоже, немного опережает культуру. У американцев прагматическое мышление, для них важно «что» и почти неважно «как»...

— Да, с точки зрения американца роскошь метро в Ленинграде или Москве — монстр. Здесь человеку неуживчиво подражать музею, в котором ходят люди. Здесь не понимают изысканства. Владелец офиса оформит его рано или поздно, насколько это будет влиять на рабочую обстановку. Покупаю произведения ис-

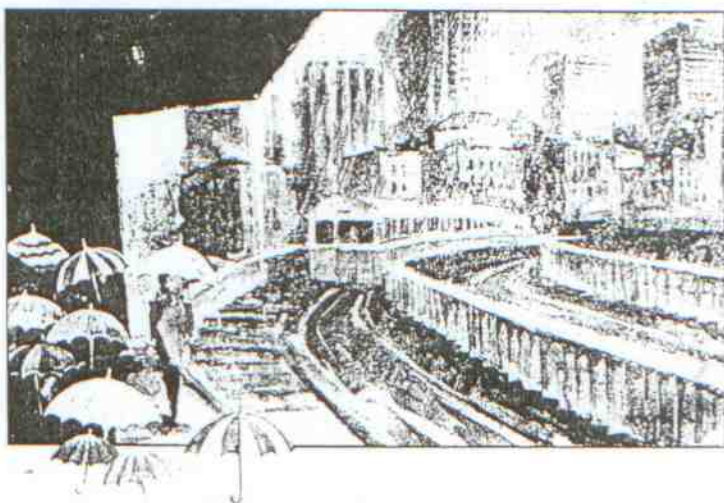
кусства здесь немного дешевле, желание красиво потратить деньги, когда их много, достаточно.

— Твои работы покупают?

— Сейчас — да. Трудно всегда в начале, когда не найдешь свою аудиторию, когда идея всплывает, ношушь определяешь правильный путь. Это уже потом приходит уверенность. Потом выплывает известная дорога.

даже если кто-то покупалось. Растет желание взять краски, но сидишь, ждешь, пока просто не бросится карандаш и хватается кисть. Кидается на рисунок, а потом поиступлюсь к палитре, краски и только потом анализирую, что получилось, и докладываю ко мне.

Вообще, если поставить перед собой чистый лист бумаги, через некоторое время начнет кружиться голова. Это тоже вызов.

И, может быть, в моих работах нет великой открытки, но я умею создавать настроение. Я стараюсь отвечать на вопрос — «как» — убедительно.

— Что ты считаешь своим главным достижением и что ты хотел бы сделать?

— Я все делаю интуитивно, и работаю и живу. Как всякому интуитивному человеку мне кажется, что самое главное у меня вперед. Анонимно совпадает с этой мыслью. Здесь нужно удержаться на жизненной — карьерной — и оставаться самим собой. Есть заказ — но мало времени, давай ногу! А это необходимо для продвижения. В Америке все более или менее связано с продажей. В этих рамках трудно сохранить индивидуальность и удерживаться на своих позициях.

— Как ты обычно работаешь?

— Я много рисую, не задумываясь, что получится. Как бы делал своего себя — беремочным. Иногда это дистанционно нарастает, как снежный ком, и вдруг получается что-то такое, чего не знал.

— Включается опыт, снимаются шелуха первых слов, которые попадают под руку?

— Весь вопрос, когда времени — можно не дожидаться. Я делаю, делаю, потом бросаю заниматься чем-то другим, и решение приходит само. Когда меня спрашивают: «Сколько времени ты это делал?» — я не могу ответить на этот вопрос. Рисовал — 10 минут. А думал о том, как это сделать, может быть, всю жизнь.

— Должна покупаться способность что-то делать... Как ты «организуешь» процесс создания того, чего не было? Ты как-то определяешь этот процесс физиологически?

— Прежде всего — давить время — это стресс, вызывающий избыток адреналина в крови. Каждую минуту стараюсь концентрироваться. Делаю рисунок карандашом, продаю, а затем рисовать.

— Ты сражаешься с бумагой?

— Я всегда в школе писал сочинения на свободную тему на заданную тему, да не писал. Потому что для меня это было не столько интеллектуальное упражнение, сколько игра. Я хотел бы сравнить все на свете, чтобы при этом присутствовали профессионализм, открытость и мысль. В этом смысле я рад, что учителям не нравятся мои сочинения, они подразумевают ограниченную, заранее заданную тему. Животное — безгранично, она свободна с ней можно совладать по настоящему, только с гением.

Беседавал Леонид ПЕССОК

— Расскажи, как ты начал рисовать? У тебя была к этому тяга с детства?

— Я занимался музыкой. После трех лет музыки, когда мне было лет одиннадцать, как-то то мои маленькие рисунки попались на глаза одному моему знакомому. Она оказалась куратором всех художественных школ Ленинграда. Родители меня спросили: «Ты хочешь заниматься музыкой или рисовать?» Я ответил вопросом на вопрос: «Если я буду рисовать, мне не нужно будет играть на пианино?» Так решилась моя судьба. С этого момента я — сел в автобус — который везет меня всю жизнь. В Ленинграде это был «Искрус», на котором я десять лет ездил сначала в Художественную школу, а потом в Мухоморовскую училище.

— Ты сразу почувствовал, что это твой «маршрут», у тебя не возникало желание «пересестись»?

— Сначала это было альтернативой музыке. Потом, когда у других моих сверстников возник вопрос «куда пойти и кем стать», у меня уже было все решено. Я понимал, что буду художником. Правда, по-настоящему я ощутил вкус профессии намного позже, после армии, после трех лет работы в Ресторанграме, когда занялся шоу-бизнесом и стал главным художником конкурса «Ленинградская красавица».

— Ты различаешь как-то работу ради денег и работу для души?

— Нет. Я всегда делаю так, как я делаю. Когда что-то получается, случается некий уже трудно это и есть, наверно, профессионализм. Просто на что-то тратишь больше времени, на что-то меньше. А если повезет, то можешь ощутить иногда легкое удивление, которое позволяет все сделать одним рывком. Я получаю удовольствие от всего, что я делаю как художник.

— Когда я приехал в Америку, мне все советовали бросить рисовать, рекомендовали начать «нормально» профессионально. Трудно было соп-

